

Сего вам искренно желаю и желать впредь как писанием моим, так умом и сердцем непрестану ваш покорнейший слуга печалующий и пишуший сие низжайше кланяюсь [л. 5 об.].

* * *

Плач второй о смертоносии преславнейшего града

Скажите вы мне, скажите, о честнейших граждане! Заклинаю вас создавшим небо и землю! Какая сия стоит поникши долу, в посмраженном одеянии, плачевная девица на градственном вашем троне, держащая в руках слабо скипетр и градственную державу и почти сие испущающая из рук своих? На что отвещают граждане с горькими слезами и велиим неописанным воплем: «Сия есть преславнейшая Москва, незапно тако превратившаяся из прекрасной в злообразнейшую».

Ах, что вы мне неправедно отвещаете [л. 6]. Аз знаю совершенно вси качественныя доброты прекраснейшей и преславнейшей, великолепной матери российских градов, дражайшей Москвы. Она весьма здрава, бодра, прекрасна и крайне всегда весела. Сия же ко оной ниже в малое сравнение прийти возможен. Поистинне громко с плачем граждане вопиют. «Она есть тако ныне неведомыми божиими судьбами низпадшая от первых своея доброты».

О, ужаснаго зрения! О, нестерпимаго слышания! О прегорестнаго сердцу уязвления! Како толь прекрасная, толь пребогатая, толь превеселая в мале времени толи [л. 6 об.] ко похудевшая, яко едва и узнати возможно? И что сие творится над тобою, беднейшая ты, Москва? Колико ты преукрашена была златом и серебром и драгоценными каменьями, ныне же зрю тя во вретиси стоящую и пепелом вижу посыпану главу твою. Всегда ты употребляла забавныя смехи и веселия, ныне же толико громко и горько плачеша, яко вопль твой почти во всем свете, даже до самых небес может быть слышан. И прежде ты веселилась о пространнейших полатах и прочих пречюдных зданиях, ныне же что, что се странное твориши [л. 7] дело, точию за велико поставляеши един свой малоценный гроб.

О, сладкогласная ты, Москва! Почто переменяла еси и любезныя своя песни и только единогласно от утра даже и до вечера восклицаеши вечную память? Колико же ты была и благоуханна, ныне же по премногу стала зловонна; смертноядовитый бо некакий смрад, зело происходящий ис тебе отягчает мои чювства.

Како же дешася и витийственныя твои о разных материах гласы? Ибо ныне токмо от тебя происходят и речи, что смерть да мертвыя. И оставя изчисляти неизчислимыя свои [л. 7 об.] сокровища, точию ежедневно исчисляеши мертвецы. Уже ныне и органы твои стоят праздно. Сладчайшии бо тебе пришло время слышати всюду по твоим стогнам шумящия слезно гласы: «Святый боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас!».

Знала ли ты, беднейшая, такое время, в которое ныне толико всем плачевно произносиши прощение? И кто бы с тобой где не встретился, точию видит тя обливающуюся горькими слезами, чим ты всех позорующих тя сильно приклоняеши к таковому же о себе плачу и горькому стенанию. И может ли кто без слез [л. 8] зрети нынешне твое злочастное превращение?

Самый бо твой вопль пребезмерно пленяет наши сердца к равномерному же восклицанию. Ибо люющаяся из тебе горесть по премногу всех сердца огорчила и твоя печаль чрезвычайно печальными нас учинила.